

Записки Грезящего

Д. Гран

18+

Д. Гран
Записки Грезящего

«Автор»

2026

Гран Д.

Записки Грезящего / Д. Гран — «Автор», 2026

«Записки Грезящего» – это дневник-эссе человека, добровольно изгнавшего себя из мира, где царит научный разум. Автор ведёт непримиримую полемику с просвещенческим проектом, постгуманизмом и технологической сингулярностью, противопоставляя им иррациональную природу человеческой субъективности. Через призму литературы абсурда (Кафка, Мелвилл, Беккет) и актуальной философии (от психоанализа до сингулярной антропологии) герой отстаивает право человека на галлюцинацию, грезу, страдание и свободу – даже ценой полного одиночества. Текст балансирует между художественной прозой, философским трактатом и аутентичной исповедью.

© Гран Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

***	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Д. Гран Записки Грезящего

Сон в одиночку — это иллюзия, призрак; сон вдвоем — это уже правда, это реальность.
Мигель де Унамуно

В темном углу комнаты за письменным столом, поверхность которого слабо освещается свечой, — что делает это место, впрочем, единственно пригодным для работы — отклонившись и перенеся часть своего веса на спинку стула так, что его передние ножки находились в приподнятом состоянии (или иначе, в состоянии приподнятого настроения), что-то спешно записывает, а скорее черкает (судя по резким, отрывистым движениям руки) некий человек. Исходящий от свечи свет, явно догорающей, — фитиль ее уже изживает последние секунды своей и так непродолжительной жизни — едва касается его лица, и потому видной остается лишь та часть, к которой непосредственно примыкают заросший бородой подбородок и тесно сжатые губы, сходящиеся в середине так, как сходятся небо и вода в линии горизонта. И хотя для дел, требующих пристальной скрупулёзности, сии условия будут не иначе как плохими, они вполне удовлетворяют нужды писца и отвечают той деятельности, которой он увлеченно предан.

Спертый воздух и запах сырости наполняют комнату, пронизывая все находящиеся в ней вещи; а все из-за протекающей крыши, которую уже вот как несколько лет никто не обслуживал (ведь никому кроме самого жильца верхнего этажа неизвестно о том, что такая проблема наличествует). По правде сказать, живущего на чердаке (а в том, что это — чердак нет никакого сомнения) данное обстоятельство мало беспокоит. Время научило его принимать жизнь такой какая она есть, а крыша, прогнившая от частых ливней, как раз одно из таких проявлений жизни. К тому же, через образовавшуюся в ее структуре щель начали подселаться новые (и единственные) жильцы — канарейки. И кто бы ни утверждал, что человек существо, любящее одиночество, он все же не прочь побыть в компании родственных ему душ; а в этом изолированном для людского мира месте гнездо канареек как ничто лучше может стать приятным подарком судьбы. Тем паче, что здесь нет какого-либо музыкального инструмента, наличие которого сослужило бы вечному жителю чердака или средством самовыражения (как то видел Шопенгауэр, определивший именно музыку наиболее чистым выражением мировой субстанции) или средством развлечения, когда его мало и не хватает, или, наконец, средством сопровождения, то есть, аккомпанементом (именно так, по воспоминаниям его приятелей, Лотремон использовал дары муз — левой рукой он наигрывал нужный ритм на пианино, в то время как правой записывал на бумагу возникающие в сознании образы). Так что, поселившиеся под самой крышей (а потому их нельзя увидеть) канарейки служат спутниками нашему герою, сопровождая его в пути, который тот предпринял по листам бумаги в день, когда настал Конец Света.

Скорее всего, последняя строка пробудила в тебе, читатель, чувство любопытства, и тебе не терпится узнать как можно больше деталей относительного того, что в тот день произошло. Но спешу тебя огорчить, если ты подумал, что, речь пойдет о глобальной катастрофе, в результате которой нарушился повседневный ход вещей, или о катаклизме, который унес жизни большого числа людей. Нет, мир по-прежнему жил своей жизнью: почтальоны разносили почту также, как и во все остальные дни недели, в конторах юристы в столь же автоматизированном темпе расставляли печати, коммивояжеры с присущими им открытостью и обаянием, пытались разрекламировать все те же товары, строители, врачи, учителя, госслужащие,

– все продолжали жить и работать в обычном ритме. Никакого конца света в привычном понимании (несмотря на то, что сам апокалипсис имеет множество различных версий) не случилось. Не могу не принести свои извинения, если именно эти вещи интересовали твой блеклый ум в первую очередь, и потому, не оправдав твоих ожиданий, мне уже не удастся принести тебе своим повествованием чувство удовлетворения.

Теперь же, когда главная иллюзия были снята (хотя и не в гегелевском смысле) можно перейти к сути произошедшего. А то, что произошло носит сугубо психологический, внутренний характер, – это легко заключить именно по отсутствию каких-либо значимых изменений в жизни большинства людей, кроме тех, что относятся непосредственно к жизни нашего героя. Действительно, конец света настал только для него одного. В тот день он осознал, что он это не он, а другие они не другие они. Земля ушла из-под ног и на мгновение показалось, что он потерял сознание (по крайней мере, именно так впоследствии он вспоминал события того дня). Недолго думая (и в то же время, продумав все от и до), он немедленно принялся за поиски укромного убежища. Самым отдаленным от источника опасности, а потому и самым безопасным стал для него чердак. И вот в этом угрюмом месте, способном ввергнуть любого в меланхолию (разумеется, кроме того, кто здесь лично проживает), в котором о существовании внешнего мира напоминает разве что тонкий лучик солнца, изредка показывающийся на полу в момент, когда кончик одной из газет, которыми облеплено маленькое оконце в центре стены, вновь оторвется и впустит без разрешения хозяина внутрь солнечного гостя, – вот здесь, в этом месте заточена его призракоподобная жизнь. Большим заблуждением было бы считать ее мучительной, ибо возможно внешний антураж интуитивно и заставляет отождествлять такое существование со страданием или личной трагедией, он необязательно отражает внутреннее духовное состояние. Напротив, мучительной была бы жизнь, если наш герой, руководствуясь не рассудком, а привычкой, продолжил пребывать в мире наличествующей опасности. Как волк в овечьей шкуре или как овца в волчьей шерсти – что здесь является более подходящим сказать трудно в силу аморфности человеческой природы – пришлось бы ему слоняться по тоскливым улицам, сливаясь в едином такте с бездумною толпой, хлопающей каскадой зловонных ртов. Конечно, он мог бы пойти по сей дороге, но риски... риски слишком велики. История не знает ни одного случая, когда человеку, оказавшись в подобной ситуации, удалось бы выйти невредимым. Вот и наш герой решил не испытывать судьбу и скрылся от нее наверняка как можно дальше, в тени, где чужеродный свет не коснулся бы его знатного обличия и не раскрыл бы его местоположения. За это, надо сказать, он был щедро вознагражден – вознагражден бесконечностью открывшихся его сознанию миров, возможность существования которых он ранее даже не предполагал. Великое множество троп, свобода, не знающая никаких границ, – все это он нашел на том самом заброшенном чердаке, где обычно ожидаешь найти склад тривиальных и всеми забытых вещей, ну или дохлую крысу, при большой удаче.

Запасшись стопкой чистых листов бумаги (хотя о том, что это бумага, может говорить лишь признак белого цвета, а потому нельзя исключать вероятность того, что предмет, на котором пишут совершенно иной природы), а также коробками полные свечей, этот человек отправился в путешествие по дотоле неизвестным мирам. И хотя богатство неизведанного должно увлекать с головы до ног любого проходящего своим таинственным аллюром, что-то преследовало и постоянно толкало его то в бок, то в спину, и порой столь сильно, что и вовсе сбивало с ног. В эти моменты он возносил свою голову к небу и восклицал: «Если бы только мир из плоти и крови был менее жесток, он мог бы быть хорошим домом!». Но к кому он обращается? Кто услышит его несчастный лепет? Он призрак среди пустыни, мерцающая точка между бытием и небытием. Чьего ответа он ждет? Возможно, где-то в темных, тесных переулках, в которые нельзя забрести случайно, а только преднамеренно, или в недрах скалистых пещер, чьи входы закрыты валунами, таится такое существо, которое, несмотря на тысячи миль, ответило бы ему: «он мог бог быть хорошим домом...». Благодаря этой надежде до сих пор остается в живых

обитатель чердака. Жаль, что из-за присущего ему нежелания общаться с посторонними, нам ничего не удастся узнать у него в подробностях. Известно, что, когда того обуревают эмоции от продолжительного и напряженного воображения своего возможного будущего, он хватается за перо и резкими штрихами принимается выводить на пустующих полях претящие логике, абстрактные фигуры...похожие на сон.

Сущность, системность, логичность, всеобщность. Четыре всадника Апокалипсиса... Нет. Ложь! Всадников больше! Рациональность, научность, формальность, критичность, ясность, определенность, объективность, структурность, непротиворечивость, целостность, проверяемость, производимость; их всех не перечесать. Но кого мы считаем? Кто эти всадники? Может быть это плод моего несчастного воображения? Но внутреннее чувство говорит иначе. Чувство же никогда не обманывает. Оно и не способно обмануть, так как всегда дает материал в его непосредственности. Обманывает всегда наш собственный рассудок – он придумывает химеры и заставляет верить в них.

Так, как же они могут быть вымышленными? Нет, их существование слишком реально. Оно, несомненно. Называть ту боль, что горит во мне, ненастоящей значит изменить своему внутреннему чувству. Но я не из тех, кто готов в момент несчастья повернуться спиной к себе и пасть в поджидающую меня ловушку. Ведь обман, который плетут эти умелые пауки, как сеть тонок и неотвязчив – на него так же легко попасться и из него также трудно выбраться. Не изменяй своему внутреннему чувству! Только оно твой верный спутник, твой единственный гарант безопасности в мире, где все и вся пытается друг друга поглотить.

На то они и хотят лишиться нас его, пытаясь убедить в его негодности. Они всадники апокалипсиса, движимые потоками деструктивного начала. Они ученые, политики, миллиардеры, философы, толпы, несущие в себе погибель былому свету. Их цель – уничтожить мучения и боль, которые доставляет существование человеку. Каким путем они планируют ее устранить? Путем Апокалипсиса. Но в отличии от своей религиозной формы, в которой он является всеобщим божественным планом, этот Апокалипсис антропологичен. Его приход – дело рук человека, а исход – смерть самого человека. Что остается после него? Ничего, остается одна пустота... Человеческая душа не находит ни блаженства в рае, ни вечного мучения в аду. Именно этого и вожделяют воины разума. Душа – предмет традиционной веры, а в мире, в который уже вошли всадники Апокалипсиса, такая вера под запретом. В этом мире остается только две возможности: вера в Апокалипсис, и надежда, что смерть не заставит тебя долго ждать.

Антропологическая катастрофа, о которой вновь заговорили в последнее время, – событие, на самом деле, не новое. Мысль о том, что человек переживает время масштабного социального кризиса и духовного упадка, констатировалась задолго до того, как о нем заговорили различные философы, начиная от традиционалистов в 20 веке, заканчивая современными русскими философскими антропологами в настоящем. Так, согласно, Упанишатам – древне индийским священным текстам, мы живем в Кали-Юге – эпохе морального и духовного упадничества, уже несколько тысячелетий. Этому последнему циклу во всеобщем временном цикле отводится беспрецедентное количество мирового зла и разрушений, связанных с самим человеком. С одной стороны, антропологическая катастрофа здесь проявляется постольку, поскольку определяется человеческим поведением, с другой стороны только изменением человеческого поведения описание данной катастрофы ограничиваться не стоит. Следует расширить границы этико-религиозного дискурса до онтологии.

Главное замечание к настоящей форме антропологической катастрофы можно сделать относительно того, чем эта форма обусловлена. Разъяснению данного момента служит корневой вопрос антропологии – «что есть человек?». Религия на него ответила – но ее голос заглу-

шила философия. Философия воздвигнула данный вопрос в качестве основного в 18 столетии, но веком позже кардинально пересмотрела свой подход, чтобы затем полностью отказаться от его дальнейшего рассмотрения. Наука же, отделившись от последней, вопрос «что такое человек?» изначально предпочла не ставить. Лишь искусство, наблюдавшее в стороне за тем, как, у престола сменялась одна система знаний за другой, знала где таится священный Грааль, ведь спрятан он был ею, он же был ею и выдуман.

В момент кризиса мы наблюдаем всеобщее забвение к центральному вопросу антропологии. Лишь в недавнее время о нем вспомнили, решили заглянуть в историю, и попытаться вновь на него ответить. Не ясно, чего надеются достичь сегодня те, кто возвращает человеческий дискурс в центр обсуждения и стремится своими действиями запустить процесс реантропологизации. Их намерения вызывают улыбку на моем лице, ведь участь этих бедных антропологов уже предрешена. Следует только пождать пока силы неподконтрольной для них инстанции в лице научного прогресса волной не накроют их и не унесут в далекие пучины технологического океана.

Не забудем упомянуть и про сторону наблюдателя. Ведь и он тоже принимает решение остаться созерцать. Что можно сказать про его судьбу? Она идентична как той, что имеет тот, кто ведет войну против превосходящей его в разы силы власти, так и той, которую имеет тот, кто этой властью обладает... Что ж, кажется, при таком исходе дел должны быть довольны все. Всем удастся отведать нанопирога!

Посмотрите на этого озорника! Он стоит на голове! И что-то хочет нам сказать. Ну, пожалуй, виртуоз, удиви нас ловкостью своего анализа, своей акробатикой мысли. И так он начал говорить: Искусство занимает первую ступень в процессе самопознания Духа. Используя критерий соответствия раскрытости содержания к форме, следует делить искусство на: символическое, существовавшее на Древнем Востоке, классическое, существовавшее в Античность, и романтическое, существовавшее в христианской Европе. Высшей стадией является классическая, где форма и содержание произведения существуют в гармоничном единстве. В остальных стадиях – символической и романтической – наблюдается нарушение этого принципа; в первой превалирует содержание над формой и потому предметы искусства абстрактны; во второй – форма над содержанием, потому предмет искусства слишком рефлексивен; вследствие этого, произведение искусства перестает быть таковым и переходит в область религии... Наверное, за то время, что он пытался удивить нас своим умопомрачительным перформансом, его голова сильно опухла. Да что там! Она полностью оторвалась от тела! Лежит себе на полу и что-то говорит. Говорит, как слышится, уже про бытие-в-себе. А тело... куда-то ушло – видимо, по важным делам... Что ж, не будем его задерживать!

Идеализированное рассмотрение мировой истории и истории искусства, может и является высшей, совершенной мыслью, конечным продуктом логики, однако оно не опирается на реальные данные как на основу своих умозрительных построений, и прибегает к ним разве лишь тогда, когда чувствует необходимость в доказательстве ею утверждаемых идей. Следовательно, подход такой совершенен лишь условно и применим только к определенной группе объектов, к одной только идеальной стороне онтологии. Неудовлетворенность исследовательского интереса ученого заставляет его тут же требовать эмпирической базы и искать поэтому альтернативы.

Я поддержку такой подход и соглашусь с вошью, что завет себя ученым. По крайней мере, она так мило перебирает лапками, так сильно пытается вырваться из моих крепко сдавливающих ее ногтей, что я не могу не сжалиться и не отпустить этого милого создания на волю.

Однако, с целью удовлетворить свой исследовательский интерес и только для того, чтобы раздавить ее ногами!

Анализ эмпирических данных палеоантропологии проливает свет на некоторые аспекты касательно вопроса о происхождении человека. И хотя в научном сообществе нет единого мнения на счет того, каковы его объективные причины, многие убеждены, что именно от искусства берет начало история человеческой культуры. Не древние орудия труда, которые были продолжением природного инстинкта человека, не примордиальный язык, а палеолитическое искусство, впервые свидетельствует о следе небиологического присутствия на планете. До конца не ясно, какой вид искусственной деятельности был исторически первым – наскальная ли живопись, скульптура или музыка. Но это и не важно. Главным и однозначным фактом остается то, что эксплицитное отделение человека от природы происходит в момент его самообозначения, в момент первого объективирования им внутреннего чувства.

С появлением общественных взаимодействий и структур их упорядочивающих: табу, игры, ритуала – искусство перестает быть единственным человеческим отношением. Будучи частью социума, индивидуально направленное искусство сменяется коллективно направленной деятельностью, закономерно оказываясь в подчинении у религии. Искусство начинает выполнять роль предписываемую ему мифом племени, затем полиса, а после появления института Церкви – церковным словом. В таком положении, лишенного свободы самовыражения, искусство (если мы говорим о Европе) пребывает с начала первых мистико-религиозных практик до самого конца средневековья.

В эпоху Ренессанса, с постепенной оттепелью от векового религиозного догматизма, человек, теперь более ясно видящий свой онтологический горизонт, открывает некогда запертые им же самими двери творческой потенции. Начинается бурное эстетическое возрождение. Однако дионисийский порыв изобретательного ума длится не долго. Еще не заживают следы от прежних оков, как тут же на руки гуманиста надеваются другие.

История вступает в «Новое Время». На смену закостеневшим догматам религии приходит аполонический дух рациональной философии с ее неповторимыми амбициями критически познать все истины бытия и грандиозным проектом «человека Просвещения», стремящегося к утопическому социальному будущему, где несчастья и конфликты преодолены и оставлены в прошлом как пережитки. С этого момента искусство вновь обращается в траурную форму существования, и становится по сути немислимым в условиях той будущей реальности, которую мечтают воплотить в жизнь авторы Просвещения.

«Коронация» науки положение искусства не улучшает. Рассматривая через линзу научных знаний и методологии, ученый снимает с произведения искусства художественный покров и находит за ним неприглядную естественную реальность бессознательных структур. Как выясняется в творческом акте творец выражает не внутреннее, присущее только ему чувство и личную раздвоенность мира, а закономерную работу психики. Все сводится к причинно-следственной цепи, в которой акт самовыражения – ничто иное как акт выражения внешних обстоятельств. Но если это так, то непонятно почему человеческая психика вообще развилась в такую сложную, совершенно неоправданную с точки зрения эволюции структуру. Что заставило первобытного человека начать рисовать линии и фигуры, а затем и сюжетные изображения на стенах пещер вместо того, чтобы использовать эту энергию на более биологически полезное поведение?

Научное сознание забило последний гвоздь в гроб человеческой особенности. Антропологические константы: душа, интуиция, эмоция, вера и пр. превратились в константы природы. Человек как выяснилось, на самом деле, мало чем отличается от птицы или гриба. И правда, утверждение о том, что Ленин был грибом, и попытка это «научно» доказать, в современном

мире звучит уже не так безумно, как раньше. Человек «is nothing but a pond scum» говорят ученые. Он лишь высокоразвитая форма примордиальной водоросли, по-своему уникальная, но в основе своей существующая в такой же неразрывной связи с природой, как и его предок с океанским дном. Аура, которую возводила вокруг него тысячелетиями Традиция, была развенчана и объявлена предрассудком, продуктом недоразвитости и нецивилизованности.

Легко заметить, что существование антропологических констант, в сегодняшнем мире, все менее оправданно. Зато, оправданным считаются их высмеивание, уничтожение, а в конечном счете и уничтожение. Ранее это было помешательством, признаком больной души. Сейчас же без этого в обществе преобладающей науки не обойтись. Здесь ты либо играешь по местным правилам, либо отказываясь, становишься изгоем.

Человеческие константы отправляются на склад ненужных атавизмов, в самые далекие его углы, туда, где никто не будет их искать. Блеск этих побрякушек утратился, красочный цвет помутнел, рельефные узоры стерлись, и было решено от них избавиться. К тому же, сейчас они выглядят неважно. Что некогда приковывало внимание, будоражило и влекло энтузиазм – сейчас вызывает отвращение. Кто любит человеческую душу? Несовершенную человеческую плоть? Кто остается в наше время искренним гуманистом, не ищущим средств его преодоления? Кто воздает хвалу аффектам, страданиям и переживаниям?

Было бы приятно услышать, что все перечисленное не становится под давлением общественного сознания «пережитком прошлого», а те, кто разделяют подобные ценности, остаются в большинстве. Даже если это в действительности и так, то ненадолго, ведь тоталитарный режим науки уже трудится над тем, чтобы это изменить.

Бесконечно голубое небо раскинулось над мирно цветущем полем человечества. Тысячи мелодичных голосов в порыве неутомленной страсти поют блаженную рапсодию природе. Тысячи счастливых душ танцуют совместный хоровод любви. Колотятся сердца в едином ритме. Резвятся витальные стихии в потоке жизни. Прохладный бриз, гонимый океаном, вселяет живость в грудь и содвигает праздный дух на новый танец. О, внимайте же этому прекрасному пейзажу, этой инфантильной непосредственности, еще не знающей оплошности художника! Изящность здешних красок, словно фантазмагория, помрачает ум... Но подождите, что я вижу! На всех парах и клубах дыма приближается... комбайн! Машина с бычьим ревом пробивается вперед все ближе, ближе. Косит все, что может зацепить своим массивным лезвием. Сильнее давит на педаль газа машинист. Все дальше продвигается комбайн, оставляя за собой дорожку из отрубленных голов. От увиденного не трудно потерять сознание! Но не переживайте – сейчас их подберут, отчистят от плевел прежних мыслей, старательно перемелют, смешают полученные комочки в тесто, и затем через систему печей они уже отправятся свежими и душистыми на стол к заждавшемуся заказчику.

Правила пишут те, у кого есть на то власть. В современном обществе правила пишет наука. При помощи своей силы убеждения ей удалось завладеть властью сравнимой разве лишь с властью когда-то обладаемой религией. Сегодня ей прямо или косвенно подчинена преобладающая часть жизнедеятельности общества. Принято считать, что больше всех благ производится именно ею.

За свои производительные мощности, не имеющие в истории подобия, наука приобрела огромный успех и репутацию. Сегодня, она неотрывна от успеха, так как является основной движущей силой современной экономики. Экономический успех значительно детерминирован интегрированностью научных достижений в область практики и товаропроизводства.

При таких условиях, у человека мало остается действительной свободы. Единственное пространство, где она возможна – пространство грез и мыслей. В общественно-физическом мире господствует наука. Наличие у нас в нем выбора – иллюзия и, что самое страшное, зача-

стую она не осознается. Чтобы свободно выбирать нужно понимать, как соотносится то или иное решение с этическими принципами, а о них мало кто задумывается. В действительности большинство решений делается нами автоматически, без осмысления и соотнесения с тем, что мы считаем для себя благом. Те, кто этого не понимают, не способны делать свободный выбор.

Наука антигуманна. Несмотря на то, что многие воспетые ученые пытаются заявить об обратном, говоря о том, что они истинные защитники человеческих ценностей, сама же научная картина мира, которую они представляют, в основе своей имеет античеловеческую целеустремленность. Это становится ясным из рассмотрения тех идеалов, к которым стремятся на протяжении многих поколений ученые. Изначальным научным идеалом был человек Просвещения, полноценно подчинённый *ratio*. Как тогда предполагалось, все беды жизни: болезни, войны, нищета и прочие социальные проблемы – происходят от человеческого невежества, незнания блага. Задача, следовательно, заключалась в том, чтобы разработать научную теорию познания и универсальный метод, который бы открыли большинству путь истины. В достижении этой цели сплотились вместе философы и ученые. В следствии совместных усилий был достигнут большой успех. Первые научные методологии, разработанные Бэконом, Декартом, Галилеем привели к появлению мануфактур. Производство упростилось, сделав блага более доступными. По мере того, как теории усложнялись, научный прогресс развивался, материальное производство росло, военные конфликты не переставали уменьшаться. Тем не менее убежденность в достижимости поставленной просветителями цели сохранялась долгое время, пока не наступил двадцатый век с его двумя разрушительными мировыми войнами. Опыт показал, что на практике реализация проекта «человека Просвещения» невозможна. Сегодня мы лично наблюдаем за очередным подтверждением этого тезиса. Видимо человеческая природа в корне своей остается иррациональной. Как бы мы не пытались скрыть наше варварство за слоями цивилизованности и образованности, все же окончательно устранить ее нельзя. Даже если бы это было возможно, новая реальность вряд ли бы пришлась по нраву большинству из нас.

Нажатие. Правая педаль поднимает глушители - теперь все струны свободны и готовы вибрировать. Нажатие. Задняя часть пяти клавиш толкает вверх сложные рычажные механизмы. Деревянные стержни с войлочной головкой ударяют по струнам и производят ноту Си-бемоль. Звучит глубокий, гулкий удар колокола. Два быстрых нажатия. Молоточки ударяют по хору струн, настроенных в унисон, производя ноту Соль-бемоль и следующей за ней ноту Фа. На землю падают две страдальческие слезы. Очередная группа деревянных молоточков обрушивается на струны. Звучит пара Ми-бемоль и Ре-бемоль. Последняя замирает, заполняя пространство тянущимся мрачным звуком. Последовательность нервных вибраций струн рождает первые очерки траурной мелодии... Однако, постойте. Я вижу, кто-то хочет возразить! «Нет никакой мелодии – кричит физик, показываясь из-за спины, – все это не более чем причинно-следственная связь жестко детерминированных физических явлений. Движение клавиш, педалей, молоточков, – легко вычисляется по формулам; вибрация струн – легко определяется по частоте, длине, плотности и натяжению струны; таким же образом можно определить характеристики звуковых волн и их колебаний. Все это чушь! Нет никакой мелодии и нет никакого траура!». Так кричит физик. Не будем бросаться в споры с этим идолопоклонником науки. Его вера в непоколебимость научных средств познания слишком сильно разъело ему ум. Теперь он ничего не видит в мире кроме бесконечных формул и всегда готов убедить в их истинности других. Хотя не видно, чтобы усопший, в честь которого играет «Покойный марш» Шопена и собравшиеся вокруг его гроба родные торопились с этим соглашаться.

Критика антигуманности науки началась с критики классических систем. Иррационалисты: Шопенгауэр, Кьеркегор Штирнер, Ницше, стремились в первую очередь развенчать непо-

колебимые, как тогда, казалось, столпы философской рационалистической теории, которую классики на протяжении многих веков доводили до идеала. Научная форма познания тоже была подвергнута критике, но удар пришелся преимущественно на философию. Помимо иррационалистов стоит отметить романтиков, которые считали, что познание природы должно быть делом не ученого, а поэта, ибо только последний обладает соответствующим инструментарием, с помощью которого возможно наиболее проникновенное описание объекта исследования.

К сожалению, в философскую традицию не принято вписывать литераторов, хотя философские мысли часто находят свое место среди художественных произведений. Собственно, многие труды представителей иррационализма, как и экзистенциализма, таковыми и являются. Поздний период Ницше, считающийся апогеем оригинальности, эстетико-философское творчество Кьеркегора, литературное творчество Сартра, Камю, Кафки и многих других писателей – наглядные примеры. Если целью ставится критика позитивизма и научного редукционизма, то выбор в пользу романического и драматургического изложений очевиден. Здесь не удачна попытка сломить врага его же оружием. Нужно иметь посильнее. Тогда поставленная цель может быть достигнута.

Это особенно касается антропологии. Только иррациональная художественная форма способна раскрыть ее предмет, именно через нее становится возможным познание ускользающей от рационального схватывания человеческой природы.

Литературным манифестом против науки и рациональной философии, совокупным образом которых был проект Просвещения, можно назвать «Записки из подполья». Часто говорят, что Достоевский предвосхищает экзистенциализм. Конечно, никакой речи об экзистенции у него не идет, а в произведении практически не найти философской терминологии. Но как было ранее сказано, форма изложения мысли о человеке может быть любой – научной, мистической, драматургической – выбирай на вкус и цвет. У Достоевского она литературная. В случае с «Записками» – парадоксальная.

Парадоксальность открывает дневник главного героя и красной нитью проходит через весь его текст. «Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек» – какая откровенность с первых строк! – подумаете вы. Никаких тебе прелюдий, предисловий, сразу начистоту и без окраса. Но не торопитесь делать какие-либо суждения, ведь повествование только начинается, а вы уже готовы определить судьбу героя. Пропустим несколько предложений... «Это я наврал про себя давеча, что я был злой чиновник. Со злости наврал». Не требуется семи пядей во лбу, чтобы найти в сказанном противоречие. Врать со злостью о своей злости... Напоминает парадокс лжеца! Хорошо, читаем дальше. «Я, например, ужасно самолюбив. Я мнителен и обидчив, как горбун или карлик, но, право, бывали со мною такие минуты, что если б случилось, что мне бы дали пощечину, то, может быть, я был бы даже и этому рад». Быть ужасно самолюбивым и быть радостным пощечине – две, казалось бы, контрастирующие вещи. Цель пощечины как публичного действия – вызвать стыд, повредить самооценку, то есть воздействовать на человека через возмездительный акт т.н. социального насилия. Для самолюбивого человека это – нестерпимо. Настоящий нарцисс всегда будет стремиться избежать пощечину, дабы сохранить хороший образ, во-первых, в собственных глазах, а во-вторых в глазах других. Однако наш герой, видится, не из традиционных рядов нарциссов, и самолюбив как-то иначе. Его притягивает страдание. Можно сказать, что это первые, хотя еще слабые намеки на фетишизацию насилия. Он наслаждается страданием. А потому он любит себя как страдальческое существо. В глубине он любит наслаждение, но жизнь всячески мешает такому осуществиться. Выход видится в том, чтобы заставить свои страдания работать на себя. Страдание перестает быть противоположным счастью. Оно сливается с ним, образуя гармоничное единство – аутентичное человеческое состояние. Особенность человека не в том, что он способен рефлексировать страдание – так сказали бы ранее рационалисты – но в том, что

он единственный из живых существ на планете, кто способен сделать страдание своей целью, смыслом своего существования.

Мысли героя Достоевского об особенностях человеческого страдания подтверждаются многократно и на практике. Одним из наиболее известных таких практических примеров можно найти в кровопролитном двадцатом столетии – в опыте заключенных концлагерей. Анализу жизни в нацистских лагерях смерти много посвятил страниц небезызвестный психолог Виктор Франкл. В частности, его интересовал вопрос – почему люди на все, казалось бы, объективные причины, попав в концлагерь не кончали жизнь самоубийством? Что давало смысл людям продолжать жить в таких нечеловеческих условиях, приносимые непомерные физические и ментальные страдания? Ответ, по его мнению, кроется в смыслообразующей деятельности человека. «Коль скоро судьба возложила на человека страдания, он должен увидеть в этих страданиях, в способности перенести их свою неповторимую задачу. Он должен осознать уникальность своего страдания – ведь во всей Вселенной нет ничего подобного; никто не может лишить его этих страданий, никто не может испытать их вместо него». Страдание носит сугубо индивидуальный характер. Оно всегда конкретно и онтологически неповторимо. Боль может быть схожей, но ее проживание – нет. Сущность человеческого индивида совпадает с его особенностью. Страдание – одно из многих состояний, в котором раскрывается это сущностно-особенное начало. С точки зрения биологии и инстинкта, последовательна реакция или действие избегания страдания. Однако человек, как мы постоянно наблюдаем, не вписывается в рамки биологической картины, а если и вписывается, то только при задействовании прокрустового ложа. Человек по себе парадоксален. Он ломает инстинктивную программу, данную ему природой и порождает смысл для своего действия. В ситуациях, когда жизнь становится невыносимой, человек открывает новый смысл существования во страдании. «После того как нам открылся смысл страданий, мы перестали преуменьшать, приукрашать их, то есть «вытеснять» их и скрывать их от себя, например, путем дешевого, навязчивого оптимизма. Смысл страдания открылся нам, оно стало задачей, покровы с него были сняты, и мы увидели, что страдание может стать нравственным трудом, подвигом в том смысле, какой прозвучал в восклицании Рильке: «Сколько надо еще перестрадать!» Рильке сказал здесь «перестрадать», подобно тому как говорят: сколько дел надо еще переделать».

В этом заключается специфика и сущность человека. Этический принцип автора «Записок» в том, чтобы «грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась, наконец, в какую-то позорную, проклятую сладость и, наконец, – в решительное, серьезное наслаждение». К слову, если по мысли классика Гегеля, синтез тезиса и антитезиса происходит в сфере логических категорий, то по мысли экзистенциалистов, синтез происходит в сфере жизни. Иными словами, разрешение противоречия возникающем в человеке неустанно порождает в нем абсурд.

В отличие от рационалистического определения, исходящего от времен Сократ, человека как души, т.е. разумной субстанции, персонаж Достоевского занимает противоположную позицию характерную иррационализму – соль человека в свободе воли: «человек, всегда и везде, кто бы он ни был, любил действовать так, как хотел, а вовсе не так, как повелевали ему разум и выгода; хотеть же можно и против собственной выгоды, а иногда и положительно должно (это уж моя идея). Свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествия, – вот это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода... Я ведь тут, собственно, не за страдание стою, да и не за благоденствие. Стою я... за свой каприз и за то, чтоб он был мне гарантирован, когда понадобится».

С такой позиции он нападает не только на рационализм, но и следующий вместе с ним детерминизм. Рационализм и детерминизм неотъемлем друг от друга, так как первый при попытке абсолютизировать его в человеке неминуемо приводит к тому, что законы, какой бы

они вид не принимали, всегда противостоят свободе. С человеком, лишенного сферы иррационального происходит тотальная дегуманизация. Такое разчеловеченное состояние – это состояние механизма, в котором все внутренние и производные процессы происходят в соответствии с четко установленными законами природы. Когда вся жизнь может быть переведена в схемы и таблицы, в закономерности и числа, человек исчезает из поля зрения. На его месте появляется мертвый, лишенный внутренностей объект. Здесь мы имеем уже не человека, а события, преобразуемые в числа, действия, переводимые в системный код. Человеческая жизнь превращается в календарь, в котором все безошибочно расписано до секунд.

Записки главного героя – доказательство об обратном. Это – восстание против системного подчинения, бунт против насильственного уподобления человека фортепианной клавише. Перед существом, желающим страдание, существом, постоянно двоящий мир, существом, который был выкован абсурдом, никакое научное объяснение не может считаться эффективным.

«Каждое утро, с шестиколесной точностью, в один и тот же час и в одну и ту же минуту мы, миллионы, встаем как один. В один и тот же час единомиллионно начинаем работу – единомиллионно кончаем. И, сливаясь в единое, миллионнорукое тело, в одну и ту же, назначенную Скрижалю, секунду, мы подносим ложки ко рту и в одну и ту же секунду выходим на прогулку и идем в аудиториум, в зал Тэйлоровских экзерсисов, отходим ко сну...». Так повествует о своем повседневной жизни Д-503, строитель «Интеграла». В нашей реальности он больше известен как главный персонаж романа Замятина «Мы».

Замятин дает подробный взгляд на мир победившего разума – того «утопическое» будущего, которое стремились воплотить идеологи Просвещения в реальность. Считается роман, к слову, антиутопией. Обозначение условное. Такие понятия как «утопия» и «антиутопия», в принципе не имеют фиксированного значения – одна и та же реальность может быть одновременно утопией для одних и антиутопией для других. Все зависит от той точки зрения, которой придерживается человек, а потому и разбираемый роман может быть рассмотрен под совершенно различными углами, оставляя за читающим право выбрать более предпочтительный.

Для ученых-просвятителей мир, описанный в книге – идеал. Государственная машина в паре с наукой заставила всех жителей следовать Скрижалям – общему для всех расписанию, где лишь от 16 до 17 и от 21 до 22 установлены «Личные Часы». Хотя еще не найдена формула счастья, но строительство величайшего изобретения человека – Интеграла, с помощью которого будет проинтегрировано бесконечное уравнение Вселенной и дано математическое непогрешимое решение к задаче счастья, уже практически завершено. Уже найдены алгебраические формулы инстинктам, желаниям и эмоциям. Благодаря им стала возможным стандартизация жизни. Все живут и мыслят в унисон. Все имеют идентификационные номера. Здесь нет людей и граждан, есть только нумеры. От индивидуальной свободы практически ничего не остается, кроме той, что заключается в праве выбора для себя полового партнера. Но отношения между половыми напарниками не выходят за рамки простого удовлетворения природного инстинкта. Любовь в ее платоническом понимании давно забыта, точнее «побеждена, то есть организована, математизирована». Любви души к душе здесь больше нет, она не более чем полезная функция организма «так же, как сон, физический труд, прием пищи, дефекация и прочее». Собственно, и душа в этом стеклянно-металлическом мире является пережитком прошлого, признаком варварства. Отношение к ней куда более репрессивно чем, к тем же инстинктам. В Едином Государстве душа находится под запретом, ведь из-за своей индивидуальности она препятствует достижению всеобщего счастья. Долг же науки и Единого Государства как раз в том, чтобы заставить всех быть счастливыми. Никто не имеет право в этом обществе искать собственные пути достижения счастья. Любые попытки это предпринять заканчиваются операционном столом Медицинского Бюро. Душа признается болезнью.

Причем самой страшной и неизлечимой: «Плохо ваше дело! По-видимому, у вас образовалась душа... – Это... очень опасно, – пролепетал я». Это тот самый икс, который Д-503 предчувствует у себя внутри, однако в страхе отрицает его наличие: «Странно, я писал сегодня о высочайших вершинах в человеческой истории, я все время дышал чистейшим горным воздухом мысли, а внутри как-то облачно, паутинно и крестом – какой-то четырехлапый икс... странное чувство внутри – все от того же самого моего квадратного положения, о каком я говорил вначале. И не во мне икс (этого не может быть) – просто я боюсь, что какой-нибудь икс останется в вас». Связанное с душой воображение все еще имеется у нумеров, и среди них даже находится много поэтов. Однако «составлять трактаты, поэмы, манифесты, оды или иные сочинения» необходимо только «о красоте и величии Единого Государства» – что не удивительно. Ясно, что об оригинальности этих поэтов говорить не приходится. Некоторую параллель, кстати, можно найти в реальной истории нацистского режима, когда под запрет попала, по сути, вся литература, в которой не пелись гимны фюреру и рейху. Цензура привела к оттоку гениальных, оригинальных поэтов и писателей. Произведения же что писались были до смерти скучными и очень сомнительного качества. Последнее объясняет в романе одна из героинь: «Быть оригинальным – это значит как-то выделиться среди других. Следовательно, быть оригинальным – это нарушить равенство... И то, что на идиотском языке древних называлось «быть банальным», у нас значит: только исполнять свой долг». На протяжении всего конспекта мы видим, как Д-503 становится все более неуверенным и менее последовательным в следовании своего ежедневного расписания. Опухоль, доставшаяся ему от предков, в виде остатков человеческой души, сеет хаос в его мыслях и сбивает от поставленной задачи – построить Интеграл. В конце концов система одерживает победу. Формула по удалению последнего варварского реликта – воображения – была найдена. Д-503 проходит процедуру, и избавленный от чувства икс, заверяет о победе. «Потому что разум должен победить»...

Крах утопического идеала не привел к краху самой науки. Этого не произошло по той причине, что был задан новый ориентир. Если человека не изменить – начали рассуждать философы и ученые – значит надо его, выражаясь языком Ницше, преодолеть. Потому и назвали они себя – трансгуманисты. Вектор их усилий сместился с преобразования человеческого духа на модификацию человеческой природы. Старая утопия стремилась воспитать нового человека внутри старого тела; новая же поставила целью создать для него принципиально другое, «усовершенствованное» тело и разум, отбросив биологию как ошибочный эскиз.

Человек – канат, натянутый между животным и сверхчеловеком. Так любят они говорить вслед за своим вождем. Однако изначальный смысл был давно утерян. Порядок букв, пробелы, интонация – все осталось тем же. Поменялось представление. Для трансгуманистов не играет никакой роль мораль сверхчеловека – они закоченелые нигилисты, последние люди, воплощающие в себе ресентимент к человеческой природе. Трансгуманисты используют прежние средства, однако их цель несет в себе качественные изменения. Вместо окультивирования человека, они преследуют цель улучшения его технологическим путем. Ведь что такое человек? Недоразвитая плоть, посмешище природы. Даже муравей, и то сильнее чем он! Ему необходим апгрейд, чтобы прикрыть от публики позор, что именуется его телом. Нужно сорвать с него всю кожу, высосать из него всю кровь, извлечь из тела органы и кости и, оставив только мозг, из стали, нефти, силикона, засунув транзисторы в голову, как конструктор сплавить совершенство – Deus ex machina – «Бога из машины».

Стоя на непрерывно раскучивающемся мосту, не трудно свалится в бездну. Окружающая мгла к тому же не облегчает работу зрению. Но это не страшит и не ломает во мне уверенности, ведь у меня есть ориентир – рядом я слышу звуки и решаю направиться в их сторону. Мне

хочется узнать, что может издавать такую ужасную какофонию. Ничего, что я когда-либо слышал (а я бывал во всех частях света!) этот внеприродный гул не напоминает. Кто-то мычит, но не по-коровьи, кто щебечет, но не по птичьи, кто-то визжит, но ни как визжат свиньи... Вдруг, я слышу людские голоса. Радостная новость! Наверное, по близости находится деревня, и теперь я наконец-то смогу заполнить чем-то свой проголодавшийся желудок. Немедля я направился в их сторону. Кстати, сколько времени я здесь уже брожу? Один час? Два часа? День? Может быть и больше... Кажется время здесь условно... Но и людские голоса, к которым я внимательнее прислушался, на самом деле, оказались нереальными. Это раздается тот же самый мистичный рокот... Сколько же мне еще идти? Когда увижу живые формы? Должно быть прошла вечность, а я так ничего и никого не встретил. Все тот же чуждый земному миру гам, беспросветная, не рассеивающаяся ни на миг мгла, и этот шаткий, скрипящий мост... Какой бы жуткой тайной не представлялось это место, какая бы inferнальная сила не скрывалась за его происхождением, единственная, кто имеет ответы на все мои вопросы это – пребывающая в вечном молчании мудрая бездна.

Логическим продолжением трансгуманизма и одновременно завершением гуманизма как такового является постгуманизм. Именно в постгуманизме находит свое место технологическая сингулярность – реальность, где человек полностью растворился в технологии, где индивид слился с всеобщей цифровой системой.

В философском плане постгуманизм – это критическое переосмысление гуманистических идей и полный отказ от антропоцентрической системы. Он постулирует о том, что старая модель понимания мира – т.н. корреляционизм (принцип отношения мышления и бытия, субъекта и объекта), на котором основываются просвещенческий гуманизм и трансгуманизм, несовершенна. Прежде было принято считать, что научное познание иницирует субъект познания, а его утверждение, соответствующее объекту, имеет истинностный статус – это форма антропоцентризма. В эпоху постиндустриализма и постмодернизма, от антропоцентризма было решено отказаться. В результате этого деантропологического поворота, граница между человеческим и нечеловеческим, культурным и природным, живым и неживым, размылась. Отринув какой-либо центризм, стало невозможным впредь говорить о человеке как о чем-то особенном. Вместо одного большого метанаратива появилось раздробленное множество мелких нарративов. В социологии акцент сместился с человеческих на нечеловеческие агенты. Согласно прежней традиции, социальная реальность рассматривалась как автономная среда, заполненная сугубо человеческими агентами. В постчеловеческих проектах, каковым, например, является, акторно-сетевая теория, самостоятельность действий приписывается не только людям, но всем объектам без исключения. «Агентность, таким образом, обнаруживается не только у людей, но и у множества других акторов — грибов, почв, лесов, бактерий, роботов». Взаимодействия социальных, биологических, символических, информационно-цифровых и иных процессов стали рассматриваться под единым углом зрения. В философии такую онтологию также называют объектно-ориентированной или плоской.

Ранее говорилось, что общая идея трансгуманизма – улучшение человека – рождается на развенчании идеи просвещения – усовершенствования человека. Однако, если проследить сами истоки этих идей, то мы обнаружим, что корни просвещения, трансгуманизма, как и вырожденческая форма последнего – постгуманизма лежат в 6 веке до нашей эры, когда греками были заложены основы научной формы познания. В тот исторический момент они предопределили всю дальнейшую ветвь развития человеческого знания. Без греков и их достижений в области теоретического познания современный проект аннигиляции человека был бы невозможен.

Мир, каким мы его знаем, близится к своему концу. Живая плоть и человеческое сознание изживают свои последние лета. Публикуются последние очерки с критикой постгуманистических проектов, научной рациональности и плоских онтологий. На смену им приходит эпоха новых фельетонов, в которых высмеивается человеческое несовершенство. Отуpeвшие от постоянного потребления так называемого brainrot контента, массы требуют уважительного отношения к нечеловеческим субъектам и рьяно выступают за наделение их правами равноценными человеческим. Бурными темпами продолжает развиваться субститут естественного интеллекта, а момент наступления технологического сингулярного события, в котором произойдет смена человеческой истории на постчеловеческую, уже зияет на горизонте. Известно пять массовых вымираний на земле, в результате которых подавляющая часть прежде живших биологических видов перестала существовать. Сегодня же все чаще разговор заходит о шестом – вымирании человеческого вида. Причем в качестве наиболее вероятной из всех возможных причин называют причину антропо-техногенного характера.

Впрочем, никого этой новостью не удивить. С начала вступления истории в эпоху антропоцена, природные явления будь то катаклизмы, болезни, дикие животные, перестали быть самыми опасными убийцами людей. Они были смещены антропогенными событиями – войнами, техногенными катастрофами, различными конфликтами. Из-за человека погибло не только бесчисленное количество представителей его рода, но и огромное количество иных биологических видов. Не безрассудно было бы потому считать его возможное полное исчезновение с лица земли результатом его же деяний. При таком исходе, впрочем, как уже и на стадии рассмотрения его возможности, мягко говоря, странно, а на деле, абсолютно глупо, говорить о том, что человек – продукт эволюции. Чтобы говорить об этом, нам бы потребовалось пересмотреть наше понимание эволюционного процесса, однако, то возможно лишь в ущерб устойчивейшей научной форме. Производимый в любимой науке манере редукционизм, как в данном случае – эволюционный, не способен последовательно объяснить все подводимые под него насильственным путем явления, главным образом, имеющие отношение к антропосу, а потому следовало бы прекратить столь вопиющее непотребство к человеку.

И все-таки эта проблема временная. Скоро, как видится, нам не нужно будет мучиться над попытками найти истинный подход к антропогенезу. Пришедший в будущем искусственный интеллект к нему будет безразличен.

Встав рано на рассвете, я изумился той дивной картине, что представилась моим пробуждающимся после сладкого сна глазам. Бесподобная красота, секрет которой таит в себе первозданная природа, как чашка свежего кофе заряжает меня на весь день бодростью и хорошим настроением. Теплые солнечные лучи шлют на мою кожу свой нежный поцелуй. Мелодичное пение птиц в единстве с шелковистым шелестом листьев и травы, умывающейся утренней росой, журчанием пруда и звуками, издаваемые дикими животными – местными жителями, пришедших сюда на водопой, сливаются в гармоничную симфонию, дарящую усладу слуху. Ничто не может испортить этот прекрасный день и мое счастье. Разве что, в близи мне не повстречается вшивый представитель сообщества паразитов – человек.

Раз я увижу эту ходячую опухоль природы, разросшейся до одной огромной опухоли, как мне сразу же хочется бежать – бежать так далеко, пока эта слащавая фигура полностью не исчезнет из моего сознания и не забудется его гнусный голос, каждый раз из-за которого на моих руках встают дыбом волосы. И ведь это недоношенное создание так воспекает самого себя, так любит собственным отражением в зеркале, что недостатки свои оно провозглашает за достоинства. Какое отвратительное и невиданное себялюбие! Даже обезьяна менее нагла чем он. К ней я, право, питаю значительно больше уважения, чем к этому беспредельному воплощению высокомерия.

Ох, как же эгоистичен и надменен человек! Его меркантильная природа принуждает его обращаться со всеми так, как если бы они были отребьем, а не он. Потому развилась до беспрецедентного масштаба злостная совесть. Под предлогом взаимопомощи (так, как если бы истинный человек в ней нуждался!) они предложили не враждовать, а жить друг с другом. Но ничего у них не вышло. Вместо того, чтобы помогать друг другу они живут в раздорах. И необязательно, чтобы шли войны и проливалась кровь, – их ненависть может проявляться и иначе. Однозначно то, что бы человек не делал, даже тогда, когда он убежденно верит в добродетель своего бескорыстного поступка, он всегда ищет в этом выгоду для себя, какую-нибудь причину для самодовольства. В гражданском мире, где нет войны и явной цели насильственного приобретения добра, там превалируют иные средства; самое вопиющее из них – лицемерие. Если ты не научился прятать под общественную маску «любви» свои мысли, чувства и истинные намерения, ты можешь очень сильно поплатиться! Все так называемые пацифисты и гражданские, враждебно настроенные агрессивному насилию – непомерные лицедеи. Их облик – самое неприятное, что мне, когда-либо приходилось повидать. Воры, хамы, насильники и убийцы придутся во много раз честнее чем их сородичи, ведь действия первых говорят сами за себя. Кто-то скажет, что я не прав. Но все дело в моей непереносимости фальши. От вас так смердит вонючим притворством, и от него так сильно начинают слезиться глаза, что я невольно перешагиваю на сторону вашего врага. Хотя с ним я тоже не готов сосуществовать, Впрочем – этого и не случится. Там, где нахожусь я не может ступить нога другого.

Человек – оплошность природы. Человеческое сознание – раковая опухоль эволюции. Или же не эволюции... Точного ответа современная наука дать не может. Она бессильна. Антропогенез остается для нее и по сей день неразгаданной тайной. Точнее тот момент истории земли, в котором обнаруживается впервые след человека – инородного для этого мира существа, остается непроясненным в своих причинах. Всем будет лучше, если перестанут опираться на научную экспертизу в вопросе происхождения человека, ибо использование здесь научных средств равносильно изнуряющему труду Сизифа.

Трудная проблема сознания, в частности, показывает, что научные методы не применимы к полноценному прояснению вопроса о происхождении сознания из мозга онтологически отличного от него. Феномен человеческого сознания попросту не вписывается в научную парадигму, а человек, единственный известный нам его носитель, таким образом, лишается места в общем процессе эволюции.

Через природу и эволюцию никогда не будет объяснен антропогенез, ибо если для природы важна репродукция, человека не должно было бы быть. Главной преградой для дальнейшего размножения человека является его сверхординарные для природы интеллектуальные способности. Этот факт порождает вопрос относительно непоколебимости природных законов. Следует признать, что эволюционные законы не абсолютны и природа может порождать такое, что ее способно ее же погубить. При том следует учесть, что естественный отбор не терпит биологических неудач. Однако, человеку вопреки естественным законам, удалось избежать вымирания и продолжить род... Только вот, он вышел за границы эволюционных терминов, оставив вымирание животному и растительному миру. Человек выжил благодаря неестественным средствам, и если ему суждено когда-нибудь вымереть, то не иначе как тем же неукладывающимся в естественную логику путем.

Антигуманна не только наука. Философия в классическом ее виде тоже таковой является, ибо представляет собой тоталитарный проект науки и имеет подобную ей теоретическую форму познания. О человеке она ничего не говорит. Она избегает это делать потому, что человек постоянно от нее ускользает. Попытки рационально познать и определить человеческую сущность были прекращены после неудавшихся проектов построения философскими антро-

пологами исчерпывающих антропологических систем. Те, кто понял, что наука и философия не адекватные средства познания человека, были оставлены за границами академического дискурса. Машина поехала дальше, в направлении аналитической мысли. Экзистенциалисты и антропологи были оставлены у обочины.

Однако, философия в отличии от своей расцветающей молодой сестрицы науки, сковывающей на себе все взгляды подрастающих умов, мало чем может навредить философским антропологам. Влияние ее на общество представляет не более чем горстку трухи. Дай легкому дуновению коснуться ее сухих волокон, как они тут же развеются по воздуху. Кто же в здравом рассудке захочет разделить с ней ложе? Чтобы полюбить это печально выглядящее существо, нужно быть поистине отпетым извращенцем!

Вся трагичность состоит в том, что когда-то философия была якорем общественного сознания, когда-то двигала духом миллионов людей и могла своими идеями изменить действительность. Теперь же ее решения мало на кого производят эффект, а от предлагаемых ею идей мало что зависит в реальном мире.

Я слышу, кто-то кричит о помощи! Кажется, человек в беде! Подойдя поближе, на самый край каменного выступа, куда другие не решились бы ступить, я увидел, как в дали темную фигуру, напоминающую крошечную щепку, среди серебристых пен швыряют из стороны в сторону буйные волны океана. Несчастный всеми имеющимися силами пытается удержаться на плаву и ухватиться руками за одну из рядом возвышающихся прибрежных скал. Наблюдаемую сцену можно было бы назвать битвой воли и судьбы, битвой Жизни и Смерти. Однако замечу, состязание не справедливо! Силы сторон не равны! Будет самым настоящим чудом, если утопающий, ожесточенно борющийся за свою жизнь, выйдет из этого сражения победителем. Хотя и Давид однажды одолел размерами превосходящего его Галиафа. Может быть, и нам сегодня удастся запечатлеть повторение истории? Посмотрим. Надежд все меньше. К тому же оказывается, это была лишь разминка! Теперь же посеидоновы воды принялись всерьез за дело. Все больше становятся отливы, уходя все дальше к горизонту, и все мощнее и яростнее становятся приливы. Какое динамичное и устрашающее зрелище! Видя твой гнев, древний океан, даже я прихожу в волнение, а мое сердце начинает необычно сильно биться. Со мной такое бывает крайне редко, и лишь в моменты высшей точки наслаждения... Но, как только я отвлекся, произошло то самое чудо – страдальцу все-таки удалось припасть телом к одной из глыб. Какое счастье! На этот раз девятый вал останется без пищи... Но, подождите. Дайте мне прищуриться, кажется, зрение меня обманывает... Да, я вижу молодого человека на гряде темно-серых скал, обмываемых потоками пенящихся волн, но, что-то не похоже, чтобы он продолжал звать о помощи и как-либо то двигаться, давая о себе знать другим, а ведь так его точно смогут заметить спасатели и вынести на берег. Признаться, для живого он ведет себя неважно, можно сказать, даже слишком подозрительно мертво, а для утопленника... О, горе! Да ведь, юнец убит! Он действительно мертв! Видимо, ударная волна выбросила его прямиком на скалы и расшибло ему голову, причем так сильно, что череп оказалась вмятым в каменную породу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.